

**НАСЛЕДОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ:
ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
Inheritance of virtual assets: gaps in legislation**

Д. А. Ипатова, студент

П. В. Лопина, студент

Юридический институт

Белгородского государственного национального исследовательского университета
(Белгород, улица Победы, 85)

Аннотация

Представленное исследование направлено на рассмотрение актуальных вопросов, связанных с нормативно-правовым регулированием общественных отношений, обеспечивающих наследование виртуальных активов в Российской Федерации. Основное внимание в работе концентрируется на выявлении проблемных аспектов правового регулирования, которые характеризуют недостатки действующего в России законодательства о наследстве. По результатам произведенного анализа нормативно-правовых актов формулируются предложения, содержание на возможные пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: наследование, наследство, виртуальные активы, цифровые активы, цифровая валюта, социальные сети, мессенджеры, электронные кошельки, цифровое наследство.

Summary

The presented research is aimed at considering current issues related to the legal regulation of public relations that ensure the inheritance of virtual assets in the Russian Federation. The main focus of the work is on identifying problematic aspects of legal regulation that characterize the shortcomings of the current Russian inheritance legislation. Based on the results of the analysis of legal acts, proposals are formulated, the content of possible ways to solve the identified problems.

Keywords: inheritance, inheritance, virtual assets, digital assets, digital currency, social networks, messengers, electronic wallets, digital inheritance.

Развитие информационных технологий, которое активно происходит в последние несколько десятилетий, своим влиянием на различные сферы человеческой жизни, актуализировало множество вопросов, напрямую связанных с модернизацией отечественного права. В качестве одного из наиболее дискуссионных таких вопросов – возможность и порядок наследования виртуальных активов, которые принадлежат гражданам и обладают определенной материальной ценностью.

В первую очередь, следует определиться с тем, что в действующем законодательстве предлагается понимать под виртуальными активами. Так, статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо закрепляет: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага» [1].

Законодатель относит к категории имущественных прав не только цифровые рубли, но и цифровые права, которые могут распространяться на конкретные цифровые активы. Обозначенный тезис находит свое прямое подтверждение в тексте Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Исходя из части 2 статьи 1 данного документа следует: «Цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [2].

Исходя из указанной выше нормы Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» следует, что под цифровой валютой понимается: «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам» [2]. Здесь же следует отметить, что цифровой рубль не может рассматриваться в качестве цифровой валюты, т.е. к наследованию данного актива применяются иные правила. Данный факт напрямую вытекает из представленного выше определения, в котором указано, что цифровая валюта не может являться денежной единицей какого-либо государства, тогда как цифровой рубль обладает подобным статусом, а также напрямую регулируется Центральным Банком Российской Федерации.

Итак, можно сделать промежуточный вывод о том, что цифровые (виртуальные) активы, включая цифровую валюту (криптовалюту) рассматриваются в качестве непосредственного объекта гражданских прав. Подобные объекты могут выступать предметом гражданско-правовых сделок, а также, де-юре, передаваться по наследству. Последний тезис находит свое подтверждение в тексте статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая прямо определяет: «В состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности» [3].

Так, к примеру, М.И. Сулейманова в своем исследовании поднимает достаточно важную и актуальную проблему, связанную с возможностью наследования аккаунтов в социальных сетях. Автор указывает на то, что на уровне действующего законодательства по-прежнему не определен статус аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах и иных подобных ресурсах информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В то же время, подобные аккаунты могут рассматриваться в качестве действительно ценного виртуального актива, что указывает на необходимость их включения в состав наследства [4].

С представленным выше мнением следует согласиться. В современном мире социальные сети и мессенджеры используются не только в качестве инструмента, обеспечивающего доступность коммуникации между участниками общественных отношений, но и средства получения доходов, например, от занятия блогерской деятельностью. Продажа таких аккаунтов также может осуществляться с целью получения доходов, что указывает на их реальную материальную ценность. В этой связи, возникает два вполне очевидных и логичных вопроса. Во-первых, можно ли отнести аккаунты в социальных сетях к виртуальным активам? Во-вторых, каким именно образом может быть осуществлено наследование подобных объектов?

Если на первый вопрос можно дать однозначный ответ, указывающий на необходимость включения обозначенных аккаунтов в состав виртуальных активов, что подтверждается приведенными ранее аргументами в пользу данного утверждения, то второй вопрос обладает достаточно спорным характером.

Так, А. А. Кузнецова в своей научной статье рассматривает практические сложности, которые могут возникнуть на этапе включения аккаунтов в социальных сетях в состав наследства. Автор абсолютно справедливо замечает, что в отношении каждого аккаунта в социальных сетях и мессенджерах применяются специальные способы виртуальной защиты, которые обеспечивают безопасность их использования, не позволяют получить доступ к ним третьим лицам. Таким образом, для передачи аккаунта необходимо, чтобы не только будущие наследники, но и нотариус были осведомлены об информации, которая должна быть использована для входа в него и дальнейшей эксплуатации. Именно данная особенность и вызывает трудности, так как в условиях отсутствия указания соответствующих сведений в тексте самого завещания, передача аккаунта наследникам становится фактически невозможной [5].

Указание на абсолютно аналогичную проблему можно обнаружить в исследовании А. М. Бермана, однако, применительно к цифровой валюте, которая уже сегодня активно используется для заключения гражданско-правовых сделок. Так, автор утверждает о том, что многие сервисы, обеспечивающие обращение цифровой валюты, например, криптокошельки, предполагают наличие сложной и многоуровневой системы защиты, которая обеспечивает безопасность виртуальных активов. В этой связи, наследование цифровой валюты также существенно затрудняется в условиях, если наследодатель заблаговременно не озаботился тем, чтобы включить информацию, необходимую к использованию для получения доступа к определенным ресурсам, в завещание [6].

С. В. Лебедев высказывается о том, что решением сложившейся проблемы может выступить закрепление на уровне действующего законодательства правила, которое позволяет включить в завещание соответствующую информацию. Подобное правило может быть применено не только к аккаунтам в социальных сетях и мессенджерах, но и к электронным кошелькам, на которых хранится цифровая валюта [7].

С мнением автора можно согласиться только от части. Безусловно, выдвинутое предложение является вполне рациональным, однако, С. В. Лебедев не учитывает возможные риски, которые возникнут в ситуации, если информация, необходимая для входа в аккаунт или электронный кошелек, будет включена в текст завещания. Как известно, каждое завещание в обязательном порядке должно заверяться у нотариуса. Таким образом, сами нотариусы заблаговременно получают соответствующие сведения, что создает высокую угрозу для их неправомерного использования. Если в случае с социальными сетями и мессенджерами такое использование может быть подтверждено самими владельцами площадок, активно взаимодействующими с правоохранительными органами, то с электронными кошельками дело обстоит значительно сложнее.

Так, большая часть электронных кошельков предполагает полную анонимность. Иными словами, ни операторы соответствующих платформ, ни владельцы электронных кошельков не располагают информацией о том, откуда именно была произведена та или иная транзакция, с территории какого государства или населенного пункта осуществлена аутентификация и т.д. Именно по этой причине, неправомерное использование информации, отраженной в завещании, обладает высокой степенью латентности применительно к электронным кошелькам [8].

По нашему мнению, решение обозначенной проблемы может быть осуществлено только при условии, если:

- во-первых, на уровне законодательства будет определена возможность включения в завещание информации, которая необходима для использования таких виртуальных активов, как аккаунты в социальных сетях, мессенджерах и электронных кошельков;
- во-вторых, подобная возможность будет реализовываться на практике только в порядке составления закрытого завещания, доступом к содержанию которого не обладает даже нотариус.

Второе требование следует рассматривать в качестве правовой гарантии, призванной обеспечить конфиденциальность включенных в завещание сведений о виртуальных активах. Практическая реализация данной гарантии не только снизит риск совершения нотариусами неправомерных действий, но и обеспечит возможность их своевременного выявления.

Рассматривая вопросы, связанные с деятельностью нотариусов Российской Федерации, следует также отметить, что многие авторы высказываются о низком уровне профессиональной подготовки данных субъектов в области работы с виртуальными активами, включаемыми в состав наследства. Так, М. Г. Кырлан отмечает, что на текущий момент времени еще не разработано специальных, единых должностных инструкций, которые могли бы применять нотариусы на практике, что не редко приводит к ненадлежащей оценке состава наследства, необоснованным отказам и иным проблемам [9].

О. В. Дмитриева, выделяя аналогичную проблему, указывает на то, что она является прямым следствием низкого уровня правовой регламентации вопросов, связанных с наследованием виртуальных активов. По мнению автора, данный недостаток действующего законодательства не позволяет расширить практику наследования виртуальных активов, существенно препятствуя реализации гражданами их прав. В условиях незначительности правоприменительной практики, редкой встречаемости соответствующих дел в деятельности нотариусов, развитие соответствующих навыков, равно как и выработка единых методик, основанных на практических материалах, становятся практически невозможными. В этой связи, исправление существующего положения следует начинать с ликвидации первопричин, а не их следствия [10].

Таким образом, действующее законодательство характеризуется следующими недостатками в области правового регулирования наследования виртуальных активов:

- низкий уровень конкретизации перечня объектов, относящихся к виртуальным активам;
- неопределенность возможности наследования отдельных видов виртуальных активов, которая также напрямую вытекает из указанной выше проблемы;
- отсутствие законодательного закрепления порядка и специфики наследования информации, использование которой необходимо для получения доступа к виртуальным активам.

Последняя проблема обладает наибольшей актуальностью, так как она напрямую препятствует процессу наследования виртуальных активов, что обусловлено отсутствием соответствующей нормативно-правовой базы, позволяющей определить конкретный порядок осуществления данного процесса.

С целью устранения существующих проблем предлагаем:

— расширить перечень объектов, относящихся к категории виртуальных активов, включив в них аккаунты от социальных сетей и мессенджеров, которые обладают реальной экономической ценностью в условиях цифровизации общества;

— предусмотреть на уровне ГК РФ возможность наследования информации, необходимой для получения доступа к аккаунту в социальной сети или мессенджере, электронному кошельку, в состав наследства при условии, если она будет описана в закрытом завещании.

Практическая реализация предложенных выше решений может позволить разработать нормативную базу для наследования виртуальных активов, которые все чаще сегодня используются в гражданском обороте для совершения различных юридически значимых действий, а также обладают реальной материальной ценностью, что существенно повышает на них спрос, обнажает недостатки действующего гражданского законодательства, регулирующего наследственные правоотношения.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

4. Сулейманова М. И. Аккаунт в социальных сетях как цифровой актив: вопросы цифрового наследования // Вопросы российского и международного права. 2023. № 6-1. С. 151-158.

5. Кузнецова А. А. Теоретические вопросы наследования цифровых активов как объектов цифровых прав в России // Баланс интересов государства, общества и личности в нормах цивилистических отраслей права: правовой и экономический аспекты. 2024. № 1. С. 92-95.

6. Берман А. М. Наследование цифровых активов и цифровых прав в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Евразийский юридический журнал. 2023. № 10. С. 134-137.

7. Лебедков С. В. Цифровая смерть: к вопросу о наследовании цифровых активов // Вопросы российского и международного права. 2021. № 10. 272-275.

8. Деньгин А. Г. Перспективы и особенности наследования цифровых активов и цифровых прав по завещанию // Нотариальный вестник. 2023. № 6. С. 56-63.

9. Кырлан М. Г. Правовое регулирование наследования цифровых активов в странах Евразийского Экономического Союза // Современное право. 2024. № 7. С. 104-108.

10. Дмитриева О. В. Актуальные проблемы наследования цифровых активов // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. № 2. С. 76-80.